

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

В. Н. Басилов

МУЖСКИЕ ДОМА В БОНГУ

Утром 13 февраля 1977 г. научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев», совершавшее свой 18-й рейс, бросило якорь у Берега Маклая, напротив деревни Бонгу. Через час мы выгружали из лодки вещи на том же самом месте, где высаживались шесть лет назад¹. Как и тогда, песчаный пляж был полон людей. Нас помнили, и мы узнавали многих: Макинг, Амбасуи, Таног... После первых рукопожатий и улыбок настала пора выяснить, где же будет жить в течение пяти дней наш отряд. Хижина для приезжих, в которой мы располагались в 1971 г., была снесена, от нее осталась лишь ровная площадка, поросшая высокой травой. Нас повели в деревню и показали недостроенный дом. Огромная новая крыша, пол на сваях и целых три стены в углу, образовавших комнату, — этого было вполне достаточно для временного жилья.

Более подробные переговоры с деревенскими властями пришлось отложить. Удары в металлическое било оповестили о том, что приближился час церковной службы. Жителям полагалось готовиться к богослужению, чтобы явиться в храм в чистых одеждах. Впрочем, в церковь спешили не все, двое молодых людей — Тойя из клана Курендук² и Губай из клана Булиру — отправились на рыбную ловлю. Я был приглашен и после недолгих размышлений (не остаться ли на богослужение?) сел в каноэ. Мы добрались до плантации Меламу, расположенной примерно в полутора километрах от деревни, и здесь увидели и других людей, не пошедших в церковь. Около мыса медленно передвигались несколько лодок с рыбаками; на веранде одинокой хижины, стоявшей среди кокосовых пальм на берегу, сидел мужчина со своей семьей. «Здесь живет Туру из клана Банглю, мой кузен», — сказал Тойя на пиджине. Я понимал его, так как, готовясь к экспедиции, учил этот язык.

Рыбная ловля оказалась неудачной. Случалось, что Тойя видел рыбу. Он стоял на носу каноэ и легкими движениями ладони левой руки, отведенной назад, показывал Губаю, куда направить лодку. В правой руке он держал наготове острогу с несколькими наконечниками, укрепленными пучком. Несколько раз Тойя метал острогу метров на пять-шесть от лодки. Вынырнув из воды, острога принимала вертикальное положение, погрузившись в воду примерно на половину длины древка. Тойя вытаскивал ее, но всякий раз без рыбы. «Прилив, мутная вода», — пояснил он, и мы вернулись в деревню.

Здесь царил необычная тишина. Служба закончилась. На краю главной площади, в тени дерева сидели кругом мужчины. Группы муж-

¹ О работе советских этнографов в деревне Бонгу в 1971 г. см.: «На Берегу Маклая». М., 1975.

² Так сам Тойя и часть жителей деревни произносят и пишут название клана Горенду (Куренду).

Рис. 1. Собрание в Бонгу

чин расположились и у ближних домов, вне круга. Все внимательно слушали оратора, который расхаживал под деревом и доказывал аудитории, что налог высок, а деньги можно было бы потратить на собственные нужды каждой деревни. Он говорил сдержанно и мрачно, время от времени энергичным жестом выбрасывая перед собой руку. «Мистер чейрмэн»³, — обратился к председателю другой мужчина, когда выступавший закончил речь. Председатель кивнул, и новый оратор вошел в круг.

В этот воскресный день в Бонгу происходило совещание представителей всех деревень округи. Обсуждался ряд важных вопросов. Часа в четыре пополудни был сделан перерыв, юноши Бонгу принесли гостям кушанья в больших эмалированных тазах. После обеда мужчины вновь расселись по своим местам, собрание продолжалось до самой темноты.

Только поздно вечером, когда староста Сали и другие влиятельные люди деревни посетили нашу хижину, мы смогли, наконец, за общим ужином начать разговор о своей работе. У нас мало времени. Нам нужны сопровождающие — молодые люди, знающие английский язык. Не назовет ли староста юношей, которые могли бы на три-четыре дня оставить свои дела, чтобы помочь этнографам? Естественно, что их помощь не будет безвозмездной. Наши гости посоветовались между собой и пришли к заключению, что к каждому этнографу надо прикрепить и старика, так как молодые люди недостаточно хорошо знают обычаи. Впрочем, эта идея отпала, когда оказалось, что все старики заняты работой. Пришлось вернуться к нашему предложению. Пусть будут только юноши, со стариками можно поговорить и в вечерние часы. Утром следующего дня староста явился к нашей хижине в сопровождении молодых людей. Мне достался коренастый невысокий парень со стебельком травы в коротких волосах, Мада из клана Булиру, и я поспешил увести его от скопления народа.

Мы пришли к небольшой свайной постройке. Ступив вслед за Мадой на пень кокосовой пальмы, заменяющий лесенку, я очутился в тени ве-

³ Английск. «chairman» — председатель.

ранды. «Здесь живу я вместе с двумя неженатыми молодыми людьми», — сказал Мада. Мужской дом? Я спросил, как называется эта хижина на языке бонгу. «Боджью»⁴, — ответил Мада. Да, это был мужской дом клана Булиру. Из трех комнат, отделенных друг от друга легкими перегородками высотой чуть больше человеческого роста, обитаемый вид имела только одна, обставленная крайне скромно: два деревянных топчана и циновка для спанья на полу. На одном из топчанов и на циновке лежали в головах по рубашке, на другом топчане — широкое полотно; больше в хижине ничего не было.

Изучение пережиточных форм древнего обычая устраивать для мужчин особые дома, игравшие важную роль в общественной жизни деревни, входило в мою задачу. Но прежде всего следовало поближе познакомиться с Мадой, от которого во многом зависела моя работа в Бонгу в эти дни. Я стал расспрашивать его.

Мада не женат, несмотря на свои 25 лет. Он окончил шесть классов начальной школы. Его отец умер в 1962 г., мать — в прошлом году. У него есть брат и четыре сестры. Они уже обзавелись семьями, за исключением сестры Колау, которая не замужем, хотя у нее три дочери. Это грустная история. После смерти отца за девушкой трудно было уследить. К ней приходил один женатый мужчина, который будто бы собирался жениться на ней, но потом оставил ее и вернулся к своей жене. Сейчас он не живет в Бонгу. К Колау приходили и другие мужчины. Это не в обычае предков, это началось совсем недавно. В старые времена мужчине, который обесчестил девушку, следовало убить, лучше всего с помощью колдовства. Если мстители не владели искусством черной магии, то брались за копьё. Можно было убить и не самого обидчика, а его близкую родственницу такого же возраста, как девушка, которую он сделал матерью. «Мы должны отплатить, сделать им то же, что они сделали нам, — таков закон предков. В прежние времена убивали и ребенка, рожденного вне брака. Говорили: у него нет отца. Раньше всем распоряжался старейшина, глава клана, *гате ани*. В его действия никто не мог вмешиваться». Мада был убежден, что каждый клан, *вёмуну*⁵, совершенно самостоятельно решал свои собственные дела. Но это было в старину. «Сейчас многое изменилось», — заключил Мада. Эту фразу он не раз повторял потом во время наших бесед. Мада помогает Колау. Он делает мужские работы при расчистке огорода, дает ей деньги на одежду, приносит пойманную рыбу.

«Когда я был мальчиком, за мной присматривали мужчины из моего клана — мои *абатра*⁶, — рассказывал Мада. — Сейчас я уже мужчина и могу сам зарабатывать на жизнь. Время от времени я помогаю односельчанам заготовлять копру и продавать ее в Маданге». Работа по производству копры тяжела, поэтому лучше объединять усилия. При сравнительно небольшом количестве орехов можно работать вдвоем, но при солидных масштабах заготовки трудятся вместе 5–6 человек. У Мады есть свой огород, женские работы в нем берут на себя его сестра и жена брата. Но кокосовых пальм у Мады нет. «Потому что нет подходящей почвы в пределах земли, принадлежа-

⁴ В словаре А. Ханке местное название мужского дома дано в форме *bōdō*; вертикальная линия в букве *d* дополнена наверху значком, поясняющим, что буква читается как *dj*; черточка над *o* обозначает долгий звук (А. Ханке. *Grammatik und Vokabularium der Bongu-Sprache*. Berlin, 1909, S. 3–5, 10, 11). Современные жители Бонгу пишут *bozo*. Буква *z* обычно передает звук *джь*, и в русской транскрипции наиболее точным будет написание «боджью».

⁵ В 1971 г. термин, обозначающий клан, был зафиксирован в форме *вемун*. Однако бонгуанцы произносят и пишут это слово как *вэтини* (Мада придерживается написания *wewtini*).

⁶ *Абатра* (бонг.) — мн. ч. от *аба*, в устах мужчины — «брат», родственник по вемуну. Круг лиц, обозначаемых этим термином, еще предстоит установить. Термин используется и в расширительном значении (друг). Для женщины *аба* — «сестра». Ср.: А. Ханке. Указ. раб., с. 119; «На Берегу Маклая», с. 187, 192, 194, 303.

щей моему вемуну. У нас вокруг Бонгу вся земля поделена между разными вемуну», — объяснял Мада. Да, мы это знали. И уже в первый день, сидя в каноз, я услышал от Тойи, что выкупленная свыше года назад у австралийских хозяев плантация Меламу поделена между кланами, которым она некогда принадлежала, — между вемуну Гумбу, Со и Банглю⁷, Курендук, Гондзиру⁸. «На земле нашего вемуну есть свободные участки, — продолжал Мада, — но там почва нехороша. Если бы я нашел подходящий участок, то посадил бы рощу кокосов для своей будущей семьи. Я могу, конечно, пойти к родственникам моей матери и попросить, чтобы они выделили мне землю. За это придется дать столько свиней, сколько они запросят, таков обычай предков».

Рассказ Мады свидетельствовал о том, что клан, вемуну, не утратил еще своего значения в общественной жизни деревни. Он оставался собственником земли; родственные связи предписывали взаимопомощь. Так, Мада считал, что при заготовке копры следует в первую очередь помогать людям из своего вемуну, иначе они могут обидеться: сын брата помогает не своему, а человеку из другого клана. «Если я поймаю много рыбы, то раздаю ее и всем абатра из моего вемуну. А когда я убиваю на охоте копьем кабана, то мясо распределяется старейшиной вемуну между семьями клана. Я не разделяю тушу сам, это делают абатра, которые старше меня. Ведь я убил дикую свинью для своего вемуну». Клан регулирует брачные связи: нельзя жениться на девушке из своего вемуну. Наконец, с делением на кланы связаны сохраняющиеся по сей день мужские дома. По обычаю, каждому клану положено иметь свой мужской дом. Постройка боджью — дело всего вемуну. Так, мужской дом вемуну Булиру уже обветшал, хотя ему всего три года. В углу жилой комнаты низкие плетеные стены разошлись, образовав большую зияющую пустотой щель. «Наш вемуну хочет построить новый боджью, — сказал Мада. — Когда мы примемся за работу, все абатра, мужчины нашего вемуну, будут помогать мне».

* * *

Мужские дома Бонгу и соседних деревень привлекли внимание Н. Н. Миклухо-Маклая своей необычной архитектурой и убранством; он много раз упоминает о них в дневниках. Это были сараеобразные хижины, превосходящие своими размерами другие дома. Они обыкновенно не имели торцовых стен, в ряде случаев — и боковых; главную часть этих зданий составляла высокая крыша, лежавшая на столбах и доходившая почти до земли. В мужских домах папуасы держали музыкальные инструменты, посуду, предназначенную для общественных праздников, оружие. Здесь же стояли и деревянные человекоподобные фигуры⁹. Уникальные материалы Н. Н. Миклухо-Маклая касаются преимущественно внешней стороны архаического обычая; ученый подробно описал постройки и хранившиеся в них предметы, но лишь вскользь коснулся вопроса о социальных функциях мужских домов. Другие исследователи (О. Финш, Б. Хаген, Л. Биро, А. Ханке), посетившие Бонгу и окрестные деревни в конце XIX — начале XX в., не оставили сообщений, которые могли бы существенно дополнить

⁷ Со и Банглю — два разных вемуну, но они издавна жили рядом, и о них нередко говорят как об одной группе Со-Банглю.

⁸ Тойя с гордостью подчеркнул, что мемориальная плита в честь Маклая (установленная в 1970 г. советскими моряками и учеными, прибывшими на судне «Витязь») находится на земле клана Курендук и что именно мужчины вемуну Курендук очищают площадку вокруг плиты от кустарника, скашивают высокую траву. Некоторые информаторы утверждали, что Гондзиру — часть клана Курендук.

⁹ См. Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. I. М. — Л., 1950, с. 162—164; см. также с. 166, 169—170, 227, 237, 254—255, 259—262 и др.

материалы Н. Н. Миклухо-Маклая. Весьма скудные данные были получены и в 1971 г., ибо за короткий срок этнографическому отряду надлежало провести работу по обширной программе. Попытка обобщить имеющиеся сведения особенно ясно показала, как мало пока известно о роли мужских домов в жизни бонгуанцев в прошлом и в настоящее время. В частности, не было понятно даже, кто жил в мужском доме во времена Маклая — женатые мужчины или подростки. Естественно, что я спросил у Мады, кому же полагалось в старину жить в боджью.

Вопрос нисколько не затрудил молодого человека. В мужском доме жили, сказал он, женатые мужчины клана и юноши, получившие посвящение. Подростки, не прошедшие обряд обрезания, жили вместе со своими матерями в «семейной» хижине (*таль*); им, как и женщинам, доступ в мужской дом был запрещен. Женатые мужчины не обязаны были ночевать в боджью постоянно. Они проводили ночи и в домах своих жен. По словам Мады, мужчина мог жить в хижине жены много месяцев; бывало, что он возвращался в боджью лишь после рождения ребенка. Нередко мужчина перемещался в боджью в дни месячных недомоганий жены, когда женщина имела право готовить пищу лишь для себя, но не для мужа и детей¹⁰.

Хозяином мужского дома был глава вемуну. Каждый мужчина из его клана должен был слушаться его распоряжений. Глава клана также время от времени ночевал в доме жены. Он заранее извещал мужчин, что идет к жене, и другой старейшина занимал его место до тех пор, пока предводитель клана не возвращался в боджью.

Как и другие мужчины, глава вемуну выполнял на своем семейном огороде мужские работы. Овощи в мужской дом поступали с семейных огородов (юношам, не успевшим жениться, давали плоды и корни их родители), но готовилась пища самими мужчинами только в боджью. В те дни, когда мужчина жил в доме жены, он ел вместе с ней, наслаждаясь кулинарным искусством супруги.

Этот рассказ разъяснял одно кажущееся противоречие в дневниках Н. Н. Миклухо-Маклая. В одном месте мы читаем, что мужчины никогда не едят вместе со своими женами, но на другой странице описан порядок распределения пищи: сначала муж достает из горшка лучший кусок гостю, потом себе и лишь затем оделяет жену и детей¹¹. Очевидно, ученый видел в первом случае трапезу мужчин в боджью, во втором — прием гостя в те дни, когда муж на время перебрался в хижину жены.

Из слов Мады явствовало также, что главе вемуну принадлежала ведущая роль в религиозно-магической практике клана. Предводитель вемуну был искусен в колдовстве. Существовало колдовство разных видов: одно вело к смерти человека, посредством другого достигался хороший лов рыбы, особыми ритуалами обеспечивалась удачная охота на диких свиней. В тот день, когда мужчина возвращался из дома своей жены в боджью, он не садился близко к главе вемуну, потому что колдовская сила, которой обладал старейшина, могла, по поверьям, сразу же убить его жену.

Я не позволил себе целиком довериться рассказам молодого человека, поскольку речь шла об обычаях, имевших силу век назад. Темным вечером под мелким дождем мы подошли к дому Таного, одного из старейших жителей деревни; Мада вполголоса позвал старика. В хижине не было света, но Таног, лежавший на веранде, видимо, ждал нас, мы еще утром договорились о встрече. Он быстро поднялся

¹⁰ В Бонгу не было в обычае строить специальный дом (на пиджине *haus blut*), в который женщина удалялась на период «лунной болезни» (на пиджине *sik bilong tin*).

¹¹ Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. III, ч. 1. М.—Л., 1951, с. 59—79. См. также т. I, с. 180.

с циновки, пригласил нас войти, открыл дверь в комнату и позвал жену. Появилась заспанная женщина с керосиновой лампой в руках. Таног улыбнулся, представляя ее:

— Ляпун мери¹².

Жена молча опустила лампу на пол веранды и скрылась в комнате.

Таног сидел на циновке, скрестив ноги, в одной набедренной повязке. Живые умные глаза старика смотрели доброжелательно и спокойно. Освещенные лампой совершенно седые его волосы сияли белизной на фоне темной стены.

— Мада, сколько Таногу лет?

Таног не знал. Мужчины Бонгу до сих пор не считают нужным запоминать число прожитых лет.

— Может быть, Таног видел Маклая? — пытаюсь я отыскать какие-то вехи в памяти старика. Нет, Маклая Таног не видел, но он помнит миссионера Анге, который перевел на язык бонгу религиозные тексты. Таног был среди первых учеников Анге. Ханке! Миссионер, автор обстоятельной книги о языке бонгу, жил близ деревни в 1896—1907 гг. Не только Таног помнил о нем. Кто-то показал мне в центре деревни заброшенный дом, принадлежавший Анге из вемуну Канилю, и объяснил, что недавно умерший односельчанин был назван в честь миссионера. Итак, Таногу вполне могло быть свыше восьмидесяти лет, хотя он и выглядел много моложе.

Таног подтвердил, что в боджью жили женатые мужчины и посвященные юноши¹³. Так было еще в дни его юности, когда он получил посвящение и сам стал одним из обитателей мужского дома. Должен был мужчина спрашивать разрешения у главы вемуну, когда он отправлялся спать в дом своей жены? (Мада отослал глядевшего на нас мальчика в дальний угол веранды, чтобы он не слышал, и перевел этот вопрос Таногу полупрошепотом.) Нет, мужчина не спрашивал предводителя клана. Он сам хозяин своей жены, и никто не смел остановить его. Но в период войны для мужчин было лучше не посещать жен. Живя вместе с женой, мужчина не мог колдовать и становился легкой добычей для врага. Да и в мирные дни большую часть времени мужчины проводили в боджью. Правда, часть вещей, в частности оружие, мужчины обычно хранили в домах жен.

— Маклай нередко ночевал в мужских домах. Он писал, что спал там один. Как это могло случиться, если боджью был местом ночлега для мужчин?

— Глава вемуну не хотел беспокоить Маклая и предупредил своих людей. Одни отправились к своим женам, другие — на рыбную ловлю, третьи — в лес, охотиться с копьями на диких свиней¹⁴.

— Маклай писал, что однажды ночью к нему в боджью вошла девушка. Женщинам посещать мужской дом запрещено. Почему же девушка осмелилась переступить порог боджью?

Этот эпизод бонгуанцы помнят хорошо и рассказывают в разных вариантах. По версии Танога, девушку послали в мужской дом люди Со-Банглю. Конечно, они нарушили обычай предков. Они сделали это только ради Маклая, который был человеком другого цвета кожи. Если бы в боджью ночевал гость из другой новогвинейской деревни, ему бы не стали предлагать девушку. Люди Со-Банглю очень рассердились, когда Маклай отказался от девушки. Они решили, что Маклай настроен к ним враждебно. Они задумали его убить и уже взяли в руки копья, луки и стрелы, но тут появился Маклай. Увидев направ-

¹² Старуха-жена (пиджин).

¹³ Об этом же говорит, опираясь на материал, собранный в деревнях района Маданга, Луиза Мораута. См.: *L. Morauta. Beyond the village. Local politics in Madang, Papua New Guinea. Canberra, 1974, p. 12.*

¹⁴ Охотиться на кабанов без собак отправляются ночью.

ленное на него оружие, он снял с себя всю одежду и лег на циновку, показывая, что папуасы могут убить его. Люди не стали убивать безоружного Маклая; стало ясно, что он не желает им зла¹⁵.

Еще один вопрос. Л. Биро утверждал, что существовали особые дома для непосвященных юношей. Правда, уже А. Ханке назвал это утверждение ярким примером путаницы. Но, может быть, Таног слышал о каких-либо домах юношей?

— Мальчики жили в доме матери до 13—14 лет, пока они не подвергались обряду посвящения, — сказал Таног, прикуривая от головешки с тлеющим краем. — После обряда они переходили в боджью. Это огромная ошибка — считать, что мальчики жили в отдельном доме.

Вопреки моим ожиданиям Таног очень скупко говорил о статуях (*сулум*), стоявших в мужских домах. «Наши предки молились изваянием, как богам», — сказал он и, как истинный христианин, воспитанный в духе осуждения язычества, поспешил добавить, что на самом деле сулумы не обладали никаким могуществом. Он проследил за тем, как Мада перевел его слова с бонгу на английский, возможно, допуская, что гость может поверить в силу деревянных фигур. Вместе с тем мне показалось, что старику не хотелось распространяться о заблуждениях дедов и прадедов. «Сулумы наблюдали только за едой», — уверил меня Таног. По старым воззрениям, сказал он, сулумы запрещали приносить женщинам остатки пищи, приготовленной мужчинами во время празднеств, и мужчины ссылались на этот запрет, объясняясь со своими женами.

— В мужских домах хранились священные предметы, скрытые от непосвященных. Так писал Маклай. Что прятали от женщин и детей в боджью?

После коротких переговоров со стариком Мада ответил: — Музыкальные инструменты.

Он нарисовал в моей записной книжке четыре духовых инструмента и написал их названия: *ай илоль* — труба из выдолбленной продолговатой тыквы; *ай джьобок* или *монги ля* — скорлупа кокосового ореха, продырявленная в двух местах; *ай дамангу* — длинная бамбуковая труба; *екрам* — труба из короткого отрезка ствола бамбука. Эти инструменты уже были отмечены разными авторами, начиная с

¹⁵ В рассказе Таного соединены в обратной последовательности два разных эпизода, отмеченных в дневниках Н. Н. Миклухо-Маклая (Собр. соч., т. 1, с. 98, 255). Другой вариант предания о Маклае, отказавшемся от девушки, записан в 1977 г. Д. Д. Тумаркиным. См. его статью «Новая встреча с Океанией» в этом номере журнала.

Рис. 2. Таног с жезлом *пани*

Н. Н. Миклухо-Маклая, под такими же или несколько иными названиями¹⁶. Н. Н. Миклухо-Маклай писал и о том, что папуасы прятали в мужских домах музыкальные инструменты, запретные для женщин и детей. Но ритуальный жезл, который хранил у себя Таног, до сих пор не был известен.

В старые времена, говорил Таног, жизнь была беспокойной. Даже в годы его молодости каждый день можно было ожидать нападения врагов, и глава вемуну мог с помощью колдовства придать особую силу оружию. Так, когда предводитель клана посылал двух воинов напасть на врага, он брал в руки жезл *пáни*, сделанный из дерева *уджя*.

Я попросил описать этот жезл. Таног встал и вынес из комнаты черную плоскую палку длиной около полутора мет-

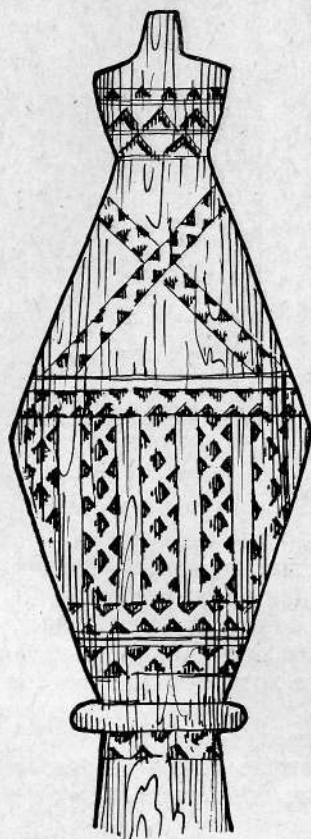

Рис. 3. Жезл *пани*: слева — навершие; справа — общий вид

ров, сужающуюся к обоим концам. Один конец был увенчан навершием. Пани тоже скрывали в мужском доме от взоров женщин и детей. Предводитель клана, продолжал Таног, давал воинам листья растения *джирр*. Шепотом, чтобы никто не мог услышать и запомнить его слова, глава вемуну сначала произносил заклинания над этими листьями. Воины затыкали осененные силой колдовства листья за плечевой браслет на руке. Старейшина передавал силу своего колдовства также при помощи жезла пани. Посылая воинов на врага, глава клана стоял, держа в руке пани (Таног поднялся с жезлом в левой руке) и шептал обращенные к пани колдовские слова.

— А почему посылались только два воина?

¹⁶ Подробнее см.: «На Берегу Маклая», с. 230—232.

— Потому что больше не нужно. Если враги победят их, тогда предводитель вемуно пошлет отряд воинов¹⁷.

В случае, когда старейшина клана готовился к войне, он не должен был спать и есть в доме своей жены, чтобы сохранить способность колдовать. Он не умывался и не пил. Он ел только пищу, которую сам жарил на огне; кроме того, курил табак и жевал орех бетеля. Через один-два дня после соблюдения этих предписаний глава вемуно мог приступить к колдовству. Он совершал трапезу, съедая вместе с поджаренной пищей имбирный корень¹⁸. После этого он мог шептать магические слова над листьями джирр и пани.

Я взял пани в руки, чтобы лучше рассмотреть его. Несомненно, жезл был сделан очень давно. Навершие и близкую к нему часть покрывала резьба из зигзагообразных линий. В углублениях узора сохранились остатки белой и красной краски. Мы договорились, что завтра я сфотографирую жезл.

Утром сын Таного пришел поторопить меня: старик уже ждал. Таног сидел у своего дома на циновке; на нем были старинные украшения. Он заявил, что надеется получить из России письмо с фотографией. После фотографирования я срисовал в блокнот узоры жезла и спросил старика, нельзя ли купить пани для нашего музея? Там много вещей, привезенных Маклаем. Жезл будет в хорошей сохранности, его смогут увидеть много людей.

Еще не кончив говорить, я знал ответ. Таног смотрел на меня так, как смотрят на ребенка, задавшего наивный и неуместный вопрос. Он произнес ласково, с легкой укоризной:

— Эта вещь была тогда, когда Маклай еще не пришел в Бонгу. Эта вещь принадлежала моим предкам, *тумбуна*. Сейчас она у меня и должна быть у меня.

Слова старика вновь заставили меня почувствовать, что Таног, не смотря на свои христианские убеждения, предан властно присутствующему в его душе миру язычников-предков. Теперь можно было понять, почему Таног уверял, что идолы — сулумы были связаны только с пиршествами. За этими словами угадывалась концепция: суеверия предков не составляли суть их религии. Иначе как же можно было ему, христианину, сохранять глубокое почтение к обычаям предков?

* * *

Современные мужские дома Бонгу совершенно непохожи на экзотические хижины времен Н. Н. Миклухо-Маклая. Сейчас боджью трудно отличить по внешнему виду от жилых хижин: они стоят на сваях и, как правило, имеют веранду, комнаты. Правда, опытный глаз способен распознать мужской дом среди прочих построек деревни. Нынешний боджью обычно значительно меньших размеров, чем дома, предназначенные для семьи (или двух-трех семей). Отдельные мужские дома, кроме того, выделяются некоторыми особенностями архитектуры. Так, сохранился боджью, описанный мной в 1971 г. Это небольшая хижина с земляным полом; в ней хранится сигнальный барабан *барум* и стоит помост *барла* для спанья¹⁹. Какаль, живший здесь, уехал работать в город Лаэ, и в хижине стал ночевать его дядя, Гитанг, который перестроил домик по своему вкусу. Теперь у крохотного боджью есть четыре стены и дверь, запирающаяся на замок.

¹⁷ По мнению Д. Д. Тумаркина, рассказ Таного относится к случаям кровной мести.

¹⁸ Имбирный корень употреблялся для колдовских ритуалов во многих местах Новой Гвинеи.

¹⁹ «На Берегу Маклая», с. 133—135.

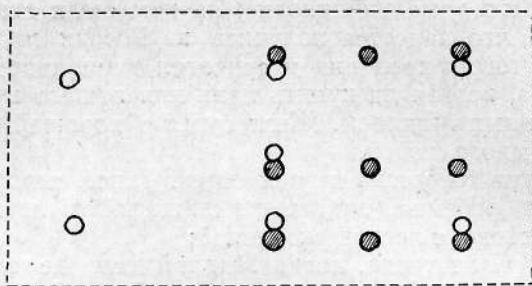
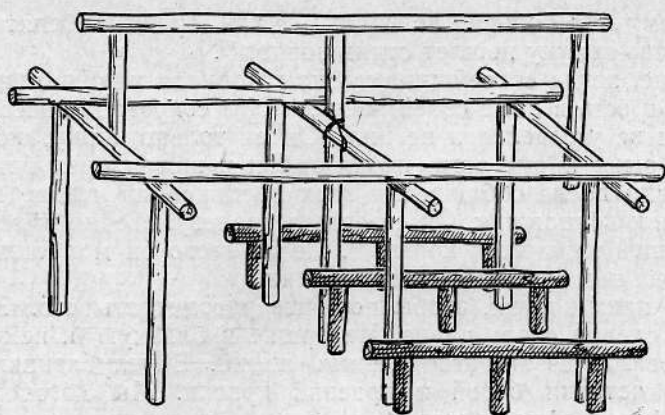

Рис. 4. Конструкция мужского дома вемуну Румбау
(по чертежу Д. Клисурова)

Отличается от жилых хижин своеобразием планировки мужской дом клана Румбау, который ко времени нашего пребывания в Бонгу еще не был достроен. Немногим больше половины пространства под большой крышей занимал солидный помост на сваях, на котором предполагали воздвигнуть стены и перегородки между комнатами. Другая часть площадки под крышей осталась свободной от сооружений; на земляном полу свежим ожогом светлело пятно кострища. Мада показал на сигнальный барабан, лежащий неподалеку от одного из домов клана: «Этот барум перетащат сюда, под крышу, когда дом будет закончен». Прежний, недавно разрушенный боджью Румбау, по словам Мады, стоял на этом же месте и имел такую же обширную крышу.

Мужской дом вемуну Сураму, в котором живут Дагур, Лалу и Гунан, похож на жилую хижину скромных размеров. Но обитатели дома позаботились о том, чтобы ни у кого не осталось сомнений относительно назначения постройки, и прикрепили над входом табличку с надписью *Haus boi* (на пиджине — «мужской дом»). Об этой табличке мне сказал позднее кинооператор А. Н. Попов. Я же ее не заметил, разглядывая сложенные гармошкой листья растения джирр, свисающие из-под крыши над верандой этого боджью. Такой лист — отличительная черта каждого мужского дома в Бонгу. Он может быть подвешен и внутри дома, под крышей. В боджью клана Булиру лист висел над развалившимся углом дома, почти скрытый среди пальмовых листьев кровли. Видимо, только от прихоти жителей боджью зависит, где они поместят джирр.

Перемены, отличающие нынешние боджью от старинных, сказались как во внешнем облике хижин, так и в функциях мужских домов. Прежде всего, утрачена ритуальная, культовая роль боджью. Жители

Рис. 5. Мужской дом вемуну Сураму

Бонгу помнят, что в этом повинны миссионеры. «Миссионеры пришли и сказали, что никто больше не должен заниматься колдовством, а женатые мужчины должны возвратиться к женам», — перевел Мада слова Танога. По мнению пастора Абуджя, весь вред мужских домов исходил от статуй, сулумов. «Если человек пообещает что-нибудь перед сулумом, то он должен сдержать свое слово. А прежде набег на врагов замыслились перед сулумами. Идолы способствовали войнам. Вот почему миссионеры так восставали против мужских домов».

Миссионеры добились своего; в наши дни женатые мужчины, как правило, живут вместе со своими женами. Но древняя традиция не выкорчевана полностью. Несколько женатых мужчин все еще обитают в боджью, соблюдая обычай предков. Сейчас в боджью в основном живут неженатые молодые люди, прошедшие обряд посвящения, а также подростки и юноши, еще не получившие посвящения. Вот краткие сведения об обитателях мужских домов Бонгу.

1. Боджью клана Булиру. Живут: а) Мада, 25 лет (сын Муля); б) Губай, около 23 лет (сын Гаманга); в) Моти, около 25 лет (брат Губая). Все трое посвящены, неженаты, принадлежат к вемуну Булиру.

2. Боджью клана Явар. Живут: а) Мугол, около 22 л., посвящен (сын Баинга); б) Сонгом, около 15 лет, посвящен (сын Мамани, старшего брата Баинга); в) Габора, 12 л., посвящен (сын Мамани); г) Мебили, около 11 лет, не посвящен (сын Тауси, старшего брата Мамани и Баинга); д) Ибора, 14 лет, не посвящен (сын Тауси); е) Касимо, 15 лет, видимо, посвящен (сын Сали). Все обитатели боджью неженаты. Пять из них принадлежат к вемуну Явар, Касимо — к вемуну Канилю. «Кланы Канилю и Явар очень близки, — объяснял Мада. — Когда мы устраиваем наши праздники, то обычно считаем их единой группой, называя Явар-Канилю или Канилю-Явар. Правильнее сказать, что Явар — это часть вемуну Канилю».

3. Первый боджью клана Сураму. Живут: а) Дагур, 25 лет, посвящен, женат уже 5 лет; б) Гунаи, 20 лет, посвящен, неженат (сын Сокопена); в) Лалу — около 20 лет, посвящен, неженат (сын Били). Из троих обитателей боджью только Дагур принадлежит к вемуну Сураму. Гунаи — из вемуну Банглю, Лалу — из вемуну Комблом. Почему двое молодых людей живут в мужском доме не своего вемуну? Отец и мать Гунаи живы. Молодой человек переселился в боджью клана Сураму, потому что там, где обитает клан Сураму, живет его «старшая мать», Суна, сестра его матери Кололь²⁰. Муж Суны, недавно умерший Балиль, принадлежал к вемуну Сураму, вот почему дом Суны стоит среди хижин клана Сураму. Что касается Лалу, то его отец умер, а с кланом Сураму его связывает мать, урожденная Сураму.

4. Второй боджью клана Сураму. Живут: а) Лако, около 40 лет, посвящен, женат; б) Селек, около 35 лет, посвящен, женат; в) Кумбо или Боб (сын Селека), видимо, посвящен, неженат. Все трое из вемуну Сураму.

5. Боджью клана Румбау. Живут: а) Буям, около 40 лет, посвящен (сын Йона); б) Мок, 23 года, посвящен (сын Тоголя); в) Лабек, 15 лет, посвящен (брат Мока); г) Гитанг, около 16 лет, посвящен (сын Бау); д) Йон, 11 лет, непосвящен. Женат только Буям; Йон — его сын. Четверо принадлежат к вемуну Румбау; Гитанг — выходец из вемуну Кинальби. Клан Кинальби, как и клан Балама, во времена Маклая жил недалеко от кланов Со, Банглю и Курендук. Когда немецкая администрация захватила их землю, они передвинулись в Бонгу, но не поселились компактно, а жили рассеянно. Гитанг, отец Бау, дед Гитанга, постоянно жил вместе с кланом Румбау.

6. Боджью клана Канилю. Живут: а) Вариндумба, 23 года, посвящен (сын Галау); б) Курепу, 16 лет (брат Вариндумбы), непосвящен; в) Муэг, 18 лет, посвящен (сын Беики). Все трое из вемуну Канилю, неженаты.

7. Боджью группы Кавалю. В нем живет один Гитанг, которому около 50 лет. Он женат и, естественно, посвящен. В 1971 г. обитатель этого боджью, Какаль, представился как член вемуну Румбау. По словам Мады, Кавалю является частью клана Румбау.

Перечислены только осмотренные мною мужские дома, но я видел не все боджью. Мада, явно утомившись от неинтересного для него занятия ходить из одного «хаус бой» в другой, sluкавил, когда сказал, что мы посетили все боджью. Он даже провел меня мимо обители Гитанга, и пришлось его остановить, чтобы посмотреть на старую хижину своего приятеля. Е. Н. Кальщиков и В. Н. Шамшунов описали строящийся боджью клана Канилю (второй), предназначенный для Намуя (свыше 40 лет) и его неженатых сыновей — Ленджи, Калима и Мукау.

Очевидно, осталось еще два-три невыявленных мужских дома (не больше — я осмотрел и занес на план примерно три четверти хижин деревни, записав, кто живет или жил в каждой). Но даже при таком допущении ясно, что в период нашего пребывания в Бонгу далеко не все кланы деревни имели свой боджью. Нами не отмечены, в частности, мужские дома вемуну Гумбу, Бонгу, Курендук, Со-Банглю, Улисим, Обому²¹. Утверждать, что эти кланы уже не нуждаются в мужских домах, было бы преждевременным. Скорее всего, у некоторых малочисленных групп, состоящих из двух-трех семей, дети еще не подросли до соответствующего возраста, поэтому пока и нет потребности

²⁰ Говоря, что Суна является «старшей матерью» (*elder mother*) для Гунаи, Мада дословно перевел бонгуанский термин *am boro*. Настоящая мать на бонгу называется *am edami* или *atiuding*.

²¹ В 1971 г. у вемуну Обому был свой боджью.

в своем боджью. Кроме того, молодые люди могут жить в «хаус бой» другого вемуну. Как бы то ни было, обычай не соблюден полностью. Нарушение прежних установлений видно и из списка обитателей мужских домов: не везде выдержан принцип принадлежности к клану. Родства по матери и соседской связи достаточно для проживания юноши в боджью. Далее, теперь клан вместо одного боджью может иметь два (Сураму и Канилю). Да и не все группы, обладающие на сегодняшний день мужскими домами, видимо, можно назвать кланами в полном смысле слова.

Главная причина отклонений от древних традиций — утрата былой общественной роли мужских домов. Век назад боджью представлял собой как бы клуб, центр общественной жизни клана. Христианская церковь, уничтожив культовые функции мужских домов, подорвала и их значение как социального института. При этом не только миссионеры способствовали исчезновению прежней общественной роли боджью. Жизнь изменилась настолько, что старый институт с его узко клановой ориентацией по самой своей сути не мог отвечать выросшим потребностям деревни. А задачи развития новогвинейской деревни далеко вышли за рамки интересов местной общины.

Чтобы передать совершенно новую атмосферу сельской жизни, связанную в ряде случаев уже с проблемами общегосударственного значения, я вернусь к собранию, происходившему в Бонгу в день нашего приезда. Под деревом, вокруг которого расположились группы мужчин, рядом с сиденьем председателя стояла грифельная доска. На ней было написано мелом: «Специальное собрание в Бонгу» (*Speseling Bongu*) и ниже перечислены обсуждавшиеся вопросы.

Первым пунктом стоял вопрос о налоге (*tok bilong tax*). Несколько деревень предложило повысить сумму налога с восьми до десяти кина с семьи, ибо деньги нужны для улучшения дороги, ведущей из Маданга во внутреннюю часть района, для развития медицинской помощи в деревнях. Многие были с этим не согласны. Следующий, не менее важный вопрос — участие в парламентских выборах (*tok bilong Haus ov Esembly*). За кого голосовать? Выступившие подчеркивали, что кандидаты, которому они отдали голоса в прошлый раз, не посетил поддерживавшие его деревни, не поинтересовались их нуждами, — значит, надо выбрать своего, местного человека. Третьим пунктом стоял вопрос о катере «Ваутамо», обслуживающем деревни побережья (*tok bilong Wautamo*). Один человек пожаловался, что он заготовил копру, известил об этом моториста («капитана») катера, получил от него обещание перевезти копру в Маданг в течение двух ближайших дней, но катер не пришел, и копра испортилась. Как ни странно, нашелся оппонент — бывший «капитан» катера. Он сказал, что у жалобщика нет прав на катер, так как он не участвовал в сборе средств на его покупку. Кроме того, обслужить всех желающих очень сложно, и надо с пониманием отнестись к трудностям. Все же большинство как будто сошлось на том, что надо подать на «капитана» в суд. Четвертый вопрос касался пунктов медицинской помощи (*aid-post*). Возникло мнение, что нет смысла платить за это особый налог, ибо взнос в местный совет и так велик. Ряд ораторов выступил против этого предложения. Языком дискуссии был пиджин.

Собрание в Бонгу лишь обсуждало все эти вопросы, но не принимало решения. Решение должно было быть вынесено на заседании Совета местного управления. Вряд ли нужно доказывать, что для решения подобных вопросов, касающихся многих деревень, мужской дом не был подходящим институтом.

Таким образом, боджью сохраняются сейчас как бытовая традиция. Их современная функция в Бонгу состоит преимущественно в том, что они дают возможность подросткам и молодым людям жить рядом

с родителями, но обособленно, в своем собственном помещении. В отдельных «хаус бой» я видел настоящие комнаты для юношей, в которых хранится и их имущество. В боджью клана Явар, например, одна комната отведена только для Мугола. Здесь на деревянном топчане постлан покупной матрац, лежат одеяло, майка. На столике — зеркало, традиционный гребень, ножницы, платяная щетка, электрический фонарик, листья, которые надо жевать вместе с бетелем; в пенальтике — перо для украшения и безделушки. Дверь в комнату запирается на замок. В боджью вемуну Канилю, где живут Вариндумба, Курепу и Муэг, все топчаны опрятно застланы чистыми одеялами. Над топчаном Вариндумбы протянута веревка, служащая как бы вешалкой для одежды. У балки крыши подвешены ручной барабан — *окам*, плетеная мужская сумка — *гун*. На полочке лежат маленькая плетеная корзиночка — *гамбор* и зеркало. В другой комнате этого же дома обитатели хранят топор, копье — *каджа*, острогу — *юр*, два небольших лука — *агхаль* и самодельное ружье для лова рыбы. Боджью запирается на замок.

Но некоторые обитатели «хаус бой» держат свои вещи в домах родителей («в доме матери», как обычно говорил Мада). Например, в другой комнате боджью клана Явар, где ночуют Сонгом, Габора, Мембили, Ибора и Касимо, нет даже одеял и циновки для сна. Все это у родителей. Комната не запирается, хотя петли для замка есть. Мада все свои вещи хранит в доме сестры; его товарищи по боджью — у родителей. Дом, в котором они живут, не запирается.

У тех немногих мужчин, которые сегодня еще поддерживают старый обычай и ночуют в боджью, основная жизнь проходит в доме жены. Об этом можно судить хотя бы по скудному набору предметов, хранящихся в их комнатах в мужских домах.

Женщинам входить в «хаус бой» по-прежнему не положено. Никто не говорит о том, что будет за нарушение запрета. Просто женщины не заходят в боджью. Я спрашивал об этом в каждом мужском доме у его обитателей и всюду получил один и тот же ответ. «Если я нужен моей сестре, она подходит к веранде и зовет меня, но в дом никогда не входит», — сказал Мада. И. М. Меликсетова заметила, что хозяйка мужского дома клана Явар весело заулыбалась, когда она присела на веранду их боджью. Она нарушила все еще живой обычай. А питаются живущие в боджью юноши и мужчины в домах своих матерей и жен, за исключением тех дней, когда женщинам можно готовить только для себя. Такие же сведения получил и Е. Н. Кальчиков, расспрашивая об образе жизни Намуя и его сыновей.

* * *

Деревня Бонгу еще соединена не всегда заметными, но прочными связями с обществом, жизнь, которого наблюдал сто лет назад Н. Н. Миклухо-Маклай. Отголоском прошлого являются и мужские дома, пережиток одного из самых архаических институтов. Вместе с тем в боджью сосредоточена сейчас наиболее восприимчивая к новшествам часть населения деревни — молодежь, испытывающая тягу к городской культуре.

В комнате Мугола я увидел прислоненную к стене гитару и удивился: шесть лет назад в Бонгу гитар не было. Гитару подарил Муголу брат, который живет и работает в городе Лаэ. Играть Мугол научился сам. В углу комнаты стоял другой музыкальный инструмент — ящик с прикрепленным к нему шнуром. Второй конец шнура привязан к палке. Если палку поставить на ящик, шнур натягивался как струна. Различная сила натяжения шнура дает звуки неодинаковой высоты. Названия инструмент не имел. «Может быть, барабан (*drum*)?» — пред-

положил, подумав, Мада. Низкое звучание шнура вызывало в памяти контрабас.

На веранде мне торжественно показали пять длинных и широких в диаметре бамбуковых трубок, положенных в ряд одним концом на пол, другим — на отрезок бамбука. Мугол перешагнул одной ногой через бамбуковые стволы, наклонился и стал несильно стучать резиновыми шлепанцами по отверстиям. Трубки издавали глуховатые, но чистые и нежные звуки. Осматривая другую комнату хижины, я увидел еще одну гитару; под кроватью лежал сломанный *укулеле* (маленькая четырехструнная гитара).

Обитатели боджью составляли целый музыкальный ансамбль. Какой артист не мечтает о признании? Мугол пригласил нас вечером послушать их игру. С сумерками начался сильный дождь. Мугол был готов прийти с товарищами в нашу хижину, но Мада перенес встречу на утро. Когда этнографический отряд появился у боджью клана Явар, на залитой солнечным светом веранде сидел квинтет — три гитары, «контрабас» и бамбуковые трубы. Юноши тронули струны гитар, запели, и мы услышали многоголосую мелодию, столь характерную для современного музыкального фольклора Океании. В других песнях также звучали мажорные напевы тихоокеанских островов. Эти песни юноши переняли у товарищей, услышали по радио.

Мы смогли убедиться, что и прекрасный пол Бонгу не остался равнодушным к иноземным мелодиям и ритмам. Внезапно у боджью появились три немолодые женщины в раскрашенных юбках из растительных волокон, нагие выше пояса. Они танцевали. Их лица выражали полнейшее равнодушие ко всему, но движения бедер были кокетливы и смелы. Пестрые юбки вольно плескались из стороны в сторону, эффектно дополняя несложный рисунок танца. Такими же телодвижениями женщины сопровождают и традиционные танцы мужчин. Но музыка, привлекая их сейчас, не имела ничего общего с песнями предков.

Мы услышали самодеятельный квинтет еще раз в последний день нашего пребывания в Бонгу. Как и шесть лет назад, жители деревни устроили праздник в честь гостей с советского корабля. Полюбоваться старинными танцами и пантомимой, изображавшей приход Маклая в деревню, собралось почти все население Бонгу. Почти все. Ансамбль остался сидеть на веранде своего дома. Все то время, пока мужчины в традиционном убранстве исполняли на главной площади танцы дедов и прадедов, юноши играли и пели свои песни. Звуки струн и бамбуковых трубок были явственно слышны на площади в перерывы между танцами. Разве это не был вызов старому миру? Пятеро молодых людей дерзко давали понять, что предпочитают иные духовные ценности.

Праздник закончился, народ постепенно стал расходиться с площади, но ансамбль еще играл. Меня окликнули: пора было возвращаться на судно. Я бросил последний взгляд на оплот смутьянов — приземистый боджью, обращенный к площади глухой стеной. С торцовой стороны хижины из-под крыши торчал шест. На конце шеста трепетал при слабом движении теплого воздуха подвешенный за нитку лист растения джирр. Это был единственный знак, который мог вызвать в памяти таинственный, запретный для непосвященных, осененный губительными чарами колдовства мужской дом ушедшей эпохи предков.